

Громова Людмила Петровна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
l.gromova@spbu.ru

Кулько Ксения Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
st035031@student.spbu.ru

Публицистика Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына: от социализма к «русской идее»

Для цитирования: Громова Л. П., Кулько К. А. Публицистика Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына: от социализма к «русской идее». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023, 20 (2): 217–234. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.202>

Статья представляет собой анализ социально-политических, философских взглядов Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына о социализме и «русской идее». Материалом исследования послужили публикации из «Дневника писателя» Достоевского, а также статьи, интервью, речи и выступления на пресс-конференциях Солженицына. Исследование разделено на несколько содержательных блоков: 1) рассмотрение взглядов молодости Достоевского и Солженицына; 2) социализм как антитеза христианству; 3) переосмысление социалистических идей; 4) приход к собственному пониманию «русской идеи» и задачи народа. В «Дневнике писателя» Достоевского содержится критика европейской версии социализма и понимание «русского социализма», проникнутого духом христианского гуманизма. Это становится основой для формулирования «русской идеи», связанной для Достоевского как почвенника с убеждением в избранности русской нации и ее духовной задачей — несением истинного православия другим народам. Новизна работы в том, что в ней представлен сравнительный анализ идей Достоевского и Солженицына о социализме, мессианстве, «русской идее», судьбе русского народа. Эти идеи нашли отражение в публицистике авторов, которая рассматривается в контексте развития русского почвенничества. Взгляды Солженицына в молодости содержали мессианские идеи о ключевой роли России, но не в православном служении, а в деле мировой революции. Однако впоследствии Солженицын обрушивается на социализм с критикой. Определяя центральным в публицистике национальный вопрос, автор рассуждает также о судьбе народа и его будущем, которое видит в «сбережении народа» и отходе от общемировых задач. При этом призывы «уйти в свой дом» и христианские идеалы парадоксальным образом сочетаются в творчестве Солженицына с любовью к революции и требованием яростной борьбы с режимом.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. И. Солженицын, социализм, «русская идея», публицистика.

Ф. М. Достоевский и А. И. Солженицын вошли в историю российской и мировой культуры, литературы и журналистики как мыслители, анализирующие проблемы различных сторон российской действительности: власть, религию, народ,

интеллигенцию, общественные отношения, национальную идею. В настоящее время вопрос о поиске идеи, способной сплотить общество, и предназначении русского народа остается по-прежнему актуальным. Изучение публицистики таких мыслителей, как Достоевский и Солженицын, помогает полнее понять различные представления о духовном пути России.

Прошедшее 200-летие со дня рождения Достоевского актуализировало обращение к его публицистическому творчеству в рамках конференций, круглых столов, научных семинаров. Однако не до конца изученной остается публицистика автора в контексте ее «диалога» с теми, кто был его идейным последователем. Между публицистикой Достоевского и Солженицына возникают определенные созвучия, что дает исследователям основание доказывать ученичество Солженицына у классика [Сараскина 2006]. Подтверждает эту мысль и сам Солженицын, неоднократно подчеркивавший свою связь с Достоевским: «Толстой и Достоевский всегда, на каждом из нас отразились. <...> А если уж говорить теперь о более позднем возрасте, когда появились нравственные вопросы, то Достоевский их ставит острее, глубже, современнее, более провидчески» [Солженицын 1995–1997, т. 3: 445].

Созвучия идей в художественном и публицистическом творчестве Достоевского и Солженицына, а также сходство их судеб привлекали внимание исследователей, которые рассматривали биографические параллели [Бушин 2009], общность мировоззрений авторов и их принадлежность к русской христианской традиции в литературе и публицистике [Захаров 2005]. Однако важнейшей в контексте нашего исследования оказалась работа Л. И. Сараскиной [Сараскина 2006], в которой рассмотрены многочисленные последователи творчества Достоевского.

Социально-политические воззрения обоих авторов и их идеалы подвергались пересмотру и коррекции под воздействием определенных событий в личной и общественной жизни. Оба писателя в молодости были увлечены социалистическими идеями, а затем прошли путь их переосмысления. Поздняя публицистика Достоевского и Солженицына тяготеет к постижению важных аспектов русской консервативной мысли: религия, государственная власть, судьба русского народа. Последний аспект напрямую связан с поиском «русской идеи», способной объединить нацию.

Уже сложилась научная традиция в изучении вопросов о социализме и «русской идее» в творчестве Достоевского. Так, Б. Н. Тихомиров занимается анализом его художественного и публицистического творчества. Исследователь пишет, что вопрос о «русской идее» в творчестве Достоевского — ключевой вопрос мировоззрения автора. Он связан с концепцией «русского предназначения» [Тихомиров 1996]. Другой исследователь утверждает православный смысл «русской идеи» Достоевского [Гулыга 2006]. А. Г. Гачева считает несостоятельными упреки критиков Достоевского в «розовом христианстве». Исследователь отрицает прямое влияние социально-утопических увлечений Достоевского на возникновение идеи истинной «мировой гармонии» и политики, основанной на братстве и всеслужении [Гачева 2005].

Современные авторы продолжают анализировать возникновение «русской идеи», участие Достоевского в кружке Петрашевского, каторгу и последующее переосмысление идей утопического социализма [Волкова и др. 2019; Заваркина 2020].

Исследователи приходят к выводу о том, что Достоевский делает попытку объединить социализм и христианство [Горелов 2017; Вититнев, Шмелева 2021].

Работ об отношении Солженицына к социализму и о его попытках сформулировать «русскую идею» гораздо меньше. Некоторые авторы обращаются к изучению эволюции взглядов Солженицына с опорой на его биографию [Сараскина 2006], рассматривают связь идей Солженицына о русском патриотизме с антисоветизмом [Ципко 2019]. Современные исследователи также предпринимали попытку проанализировать идеи Солженицына как славянофильские [Хренов 2018] и рассмотреть основные элементы философии «русская идея» в его творчестве [Шитакова 2019].

Однако нельзя не подчеркнуть сложность и противоречивость взглядов и убеждений самого Солженицына. Так, исследователи анализируют парадоксальный синтез двух начал — истинной религиозности Солженицына и его любви к революции [Шевцов 2019]. Ж. Нива справедливо отметил сосуществование двух разных Солженицыных [Нива 1992]. По мнению исследователей, при прочтении текстов автора создается ощущение, что их создавали как минимум два человека: настолько противоречивые идеи уживаются в них.

Несмотря на частое обращение исследователей к вопросам о социализме и «русской идее», этот аспект оказывается более изученным в публицистическом творчестве Достоевского. Ряд вышеупомянутых исследователей обращают внимание на факт отказа Солженицына от социалистических идей, осуждение коммунистической идеологии. Однако остается открытым вопрос: насколько это отречение было полным, связано ли оно с отказом и от революционных идей и способствовало ли формулированию «русской идеи»? Пока нет исследования, где был бы проведен сравнительный анализ публицистики Достоевского и Солженицына о социализме, мессианстве, «русской идее», судьбе русского народа. Нет работ, сопоставляющих взгляды авторов по этим вопросам в контексте развития русского почвенничества. Так как эта тема достаточно сложна и для полноценного раскрытия требует гораздо большего объема текста, остановимся на некоторых ключевых моментах, которые в дальнейшем могут стать отдельными темами исследований.

Цель данной статьи — проследить эволюцию и идейные особенности социально-политических и философских воззрений Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына о социализме и «русской идее». Гипотеза исследования связана с тем, что оба автора, пересматривая взгляды молодости, приходят к собственному пониманию «русской идеи» и задачи народа, что обусловлено социально-политическими условиями в стране. Кроме того, выдвигается предположение о том, что Солженицын, в отличие от Достоевского, эволюционирует к полному отречению от социалистических идей. Понимание «русской идеи» для него трансформируется от мессианских задач страны до замкнутости лишь на российских проблемах. Однако призыв «уйти в свой дом», вновь обретенная православная вера парадоксальным образом сочетаются у Солженицына с призывом к вооруженной борьбе с режимом, а критика в адрес СССР — с любовью к революции.

Отчасти эта тема ранее затрагивалась нами в исследовании, где осмыслиется православие как ключевая идея, сквозь призму которой анализируются другие темы публицистики авторов: вопрос о земле и народе, предназначении России, со-

циализм как антитеза христианству [Кулько 2021б]. В представленной статье мы не рассматриваем широкий круг консервативных идей, а детальнее анализируем отношение Достоевского и Солженицына к социализму. Этот вопрос неизбежно возвращает нас к христианскому пониманию «русской идеи», концепции «русского предназначения».

Предметом первоочередного анализа в настоящей статье выступают эволюция социально-политических и философских взглядов Достоевского и Солженицына о социализме и «русской идее», ценностные установки и идеалы, лежащие в их основе; содержание концепции почвенничества. Определенные диалогические связи между биографиями и творчеством авторов разных веков дают возможность проследить историко-сравнительный и биографический методы. Структурно-семантический анализ позволяет обратиться к конкретным публицистическим текстам, интервью, речам и оценить степень преемственности определенных идей.

Эмпирическим материалом послужили публикации из «Дневника писателя» Достоевского, которые отбирались по ключевым словам и тематике. Основными темами материалов являются: кружок Петрашевского, социализм и его критика, русский социализм, почвенничество, так называемый восточный вопрос и «русская идея». Публицистические работы Солженицына, выбранные в качестве эмпирического материала, структурированы не по тематическому критерию, а по специфике организации материала. Мы анализируем статьи, интервью, речи и выступления на пресс-конференциях, миниатюры «Крохотки». Для того чтобы полнее рассмотреть противоречивость идей Солженицына и их сложность, мы обращаемся к некоторым главам из «Архипелага ГУЛАГ».

Увлечение социализмом и арест

Выделяется несколько этапов развития социалистического учения. Первый можно условно назвать домарксистским. Это идеи Т. Мора, А. Сен-Симона, Ш. Фурье. К марксистскому периоду относятся идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Постмарксистский этап связан с развитием моделей социализма в Китае и Северной Корее. Кратко охарактеризуем первые два этапа, которые соотносятся со становлением взглядов Достоевского и Солженицына.

Социалистические учения нацелены на преобразование общества, которое должно стать справедливым за счет уничтожения классового гнета и эксплуатации. Становление социалистических идей связано с утопическим социализмом. Еще Т. Мор в XVI в. в сочинении «Утопия» осуждал идеи капитализма, эксплуатацию людей и частную собственность. Однако наибольший вклад в развитие утопического социализма внесли А. Сен-Симон и Ш. Фурье, идеи которых повлияли на Достоевского.

Сен-Симон в отличие от французского социалиста Ш. Фурье не относился критично к частной собственности, а также не выступал против монархии. Ш. Фурье осуждал социальное неравенство и постоянную защиту богатых со стороны государства. Критикуя бесправное положение народа, он предложил сделать основой общества ассоциации — производственно-потребительские товарищества, в которые могли войти разные социальные группы. В целом в работах идеологов

утопического социализма уже осознается явная связь между социальным неравенством и существованием у определенных классов частной собственности и средств производства.

В 1840-х гг. в России существовало большое число неформальных кружков, которые изучали наследие европейских мыслителей. В кружке Герцена и Огарева, на собраниях петрашевцев обсуждались идеи Сен-Симона и Фурье. Достоевский в начале творческого пути был увлечен идеями утопического социализма с проектами общественно-политического устройства на основе справедливости и равенства. В «Дневнике писателя» автор вспоминал, что участники кружка Петрашевского были «заражены» убеждениями «о безнравственности религии, семейства; ...об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства» [Достоевский 2011, т. 1: 196]. Позже многие это отвергли, но в юности еще не осознавали «причин болезни своей, а потому и не могли еще с нею бороться» [Достоевский 2011, т. 1: 196]. Социалистические идеи для Достоевского изначально были связаны с верой в то, что социально-политические проблемы могут быть решены за счет переустройства общественной жизни, но затем приходит осознание, что пути к счастью человека нужно искать не в общественных преобразованиях.

Похожие трансформации происходят и с идеями Солженицына. Как и Достоевский, он в молодости долгое время не осознавал «причин болезни своей» [Достоевский 2011, т. 1: 196]. Однако ставить знак равенства между идеями утопического социализма и марксистско-ленинским социализмом было бы неверным. Марксизм-ленинизм требовал революционного преобразования общества в интересах рабочего класса. Согласно идеям Маркса и Энгельса, производственные отношения всегда связаны с эксплуатацией людей, при этом дополнительная стоимость всегда присваивается теми, кто владеет средствами производства. Из утопии социализм постепенно превращается в научную теорию. Уже в XX в. Ленин пытается сделать ее не просто философской концепцией, а политической программой, освобождающей народ от эксплуатации и неравенства.

В отличие от Маркса, который отрицал возможность революции в одной стране, Ленин считал, что мировая революция может начаться с России. По Марксу, социалистическая революция приведет к упразднению государства как системы угнетателей и угнетенных. В СССР это было переосмыслено. Для нового руководства России власть пролетариев — объективная необходимость.

Ленинские критерии социализма были связаны с ликвидацией класса эксплуататоров, общественной собственностью на средства производства, социальной политикой в интересах трудящихся, равенством народностей. В дальнейшем эта концепция во многом была искажена и деформирована. Сталинские методы жесткого управления, постоянные репрессии противоречили сущности социализма, который направлен на построение справедливого общества всеобщего равенства. Сущность социализма в СССР при Сталине становится связанной с неизбежностью террора, уравниванием всех в постоянной зависимости от воли государства, подавлением личного начала.

Идеи мировой революции и трансформации социализма, произошедшие при Сталине, будет осмысливать молодой Солженицын. Самые первые воспоминания, о которых он многократно упоминал, взяты не из высокого искусства, а «из стихии грозной политической смуты» [Сараскина 2006: 548]. Писатель помнит, как маль-

чиком видел ворвавшихся в храм чекистов, которые остановили службу и ограбили алтарь [Солженицын 1995–1997, т. 3: 107]. Это воздействует на духовную сторону развития ребенка, жившего в послереволюционное время.

Нельзя не упомянуть проявившуюся у Солженицына с детства мучительную противоречивость и двойственность взглядов. В автобиографической поэме «Дороженька», написанной в лагере, автор вспоминает: «Жарко-костровый, бледно-лампадный, / Рос я запутанный, трудный, двуправдный» [Солженицын 2006–2017, т. 18: 39]. Душа Солженицына парадоксальным образом еще с детства совмещала в себе два начала, две правды: православная «бледно-лампадность» и революционная «жарко-костровость». По словам Солженицына, до пятнадцати лет он был убежденным православным и врагом коммунизма и атеизма [Солженицын 1995–1997, т. 3: 107]. Однако в студенческие годы юноша становится увлеченным приверженцем идей Маркса и революционной теории. С этими идеями он прожил до ареста.

Достоевский и Солженицын в молодости восприняли идеальную сторону социализма. Практическая сторона марксизма не интересовала Солженицына. Мировая революция оставалась для него мечтой и неким идеалом. Солженицыну «мерещились кристальной чистоты ленинская социальная постройка, сияющий красный материк, светлое будущее человечества» [Сараскина 2006: 563]. Вот как характеризует взгляды Солженицына того периода К. В. Шевцов: «...солженицынская вера в коммунистические идеалы приняла в эти годы действительно религиозный, исступленно-экстатический характер. Прежде всего он мечтал тогда о мировой революции» [Шевцов 2019: 118]. Марксизм был необходим Солженицыну как некая точка опоры для понимания высшей, мировой цели России.

Наивность своих взглядов молодости анализировал Достоевский в «Дневнике писателя»: «Но тогда понималось дело еще в самом розовом и райски-нравственном свете» [Достоевский 2011, т. 1: 196]. На допросах по делу петрашевцев он утверждал, что идеи утопического социализма носят кабинетно-мечтательный характер и не могут применяться на практике в России. По мнению писателя, опыт Западной Европы не подходит нашей стране, а фурыеризм не может найти практического применения.

Арест для обоих авторов стал началом переосмысления идей молодости. Возвышенно относясь к идеалам революции, Солженицын тем не менее допускал резкую критику в адрес советской государственности и Сталина. Опасная переписка с Н. Д. Виткевичем стала поводом для ареста. Время заключения, а также идейные споры с другими арестованными убеждают Солженицына в том, что суть социализма искажена, а народ ждет не всеобщее братство и справедливость, а подавление личного начала и «казарменный» социализм. Автор постепенно приходит к разочарованию в коммунистической идеологии. Вместе с возвращением ранее утраченной христианской веры это позволит писателю обрушиться на советский режим с острой критикой.

Солженицын считает, что настоящим писателем его сделали тюрьма и лагерь. Он был осужден на восемь лет лагерей и бессрочную ссылку, от которой был освобожден в 1956 г. Достоевский же был приговорен к расстрелу за чтение письма Белинского Гоголю, где содержалась острая критика духовной и государственной власти. Однако приговор отменили, заменив восьмилетней каторгой, срок которой позже сократили.

В отличие от Солженицына, Достоевский от православной веры не отрекался никогда и не допускал критику государственной власти после возвращения с каторги. Однако тюрьма тоже дала ему опыт духовного перерождения, который автор связывает не с заключением как таковым, а с узнаванием русского народа. «Не годы ссылки, не страдания сломили нас. <...> Нет, нечто другое изменило взгляд наш, наши убеждения и сердца наши... Это нечто другое было непосредственное соприкосновение с народом, братское соединение с ним в общем несчастье, понятие, что сам стал таким же, как он...» — пишет Достоевский в «Дневнике писателя» [Достоевский 2011, т. 1: 200]. Это «соприкосновение» с простым народом позволит ему сформулировать идеи почвенничества, а позже гуманизировать социализм в духе христианства.

Социализм, революция и христианство

Уже в своей поздней публицистике, в «Дневнике писателя», Достоевский делает попытку рассмотреть социализм не только как идейно-политическое учение и общественный строй, при котором выдвигается идея братства, всеобщего равенства и справедливости, но и как опасное восстание человека против Бога. Вспоминая о встречах с Белинским, автор утверждал, что тот верил в «новые нравственные основы социализма» и революции, предполагающие отказ от религии [Достоевский 2011, т. 1: 49]. Критично относясь к таким взглядам, Достоевский отмечает, что социализм не указал до сих пор ни единой нравственной основы, «кроме гнусных извращений природы и здравого смысла» [Достоевский 2011, т. 1: 49]. Солженицын тоже приходит к мысли о том, что социализм лишен нравственного основания и понятия «нравственность» и «социализм» не могут быть совместимы:

Но нигде в социалистических учениях не содержится внутреннее требование нравственности как сути социализма, — нравственность лишь обещается как самовыпадающая манна.... Соответственно: нигде на Земле нам еще в натуре не был показан нравственный социализм [Солженицын 1995–1997, т. 1: 37].

В консервативной публицистике обоих авторов, как ранее отмечалось нами, значимое место занимает полемика с идеями социализма как антитезой христианству [Кулько 2021б]. Следствием уничтожения религии будет, по мнению Достоевского, не внутренняя свобода, которая лишь обещается социалистами, а духовное порабощение, потому что человек лишается понятий о нравственном долге:

Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства [Достоевский 2011, т. 2: 71].

Солженицын уже в XX в. обращается к прошлому страны и отмечает, что Россия долгое время жила православием, сохраняя нравственное здоровье нации, а содержанием большевизма стал «неумный, воинственный атеизм» [Солженицын 1995–1997, т. 1: 69], что привело к опусканию общества «на четыре ноги» [Солженицын 2006–2017, т. 1: 553].

Оба мыслителя предупреждают об опасности отречения от божественного начала в угоду революционному пути. В «Дневнике писателя» автор отмечает, что если революционерам действительно дать разрушить старое общество и построить нечто новое, но без опоры на христианство, то «выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет, под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено» [Достоевский 2011, т. 1: 198].

У Солженицына эта идея ярко показана в главе «Восхождение» из «Архипелага ГУЛАГ». Религиозно-исповедательная линия связана с призывом к самоосуждению, милосердию, с осознанием опасности революционного пути: «...я понял ложь всех революций истории: они уничтожают только современных им носителей зла (а не разбирая впопыхах — и носителей добра), само же зло, еще увеличенным, берут себе в наследство» [Солженицын 2006: 500]. При этом, по мнению автора, религия борется со злом в человеке, пытаясь его «потеснить».

Однако парадоксальное существование двух правд в душе юного Солженицына свойственно и зрелому писателю. Синтез веры во Христа и любви к революции виден в «Архипелаге ГУЛАГ». Здесь Солженицын предстает не только истинным христианином, призывающим к милосердию, но и революционером. Мощный зов к революционному возмездию виден, например, в главе «Сорок дней Кенгира». На каторге убивают ни в чем не повинного арестанта-евангелиста. Заключенные требуют справедливого возмездия, что выливается в крупный мятеж. Солженицынские призывы к терпимости сменяются «революционной риторикой» [Шевцов 2019: 120], а рассказчик избавляется от иллюзий и готов участвовать в бунте против лагерного начальства.

Солженицынская парадоксальная вера в революционное возмездие не была свойственна Достоевскому. Даже во время его участия в кружке Петрашевского было бы неправильно однозначно считать его настоящим революционером. Мы придерживаемся точки зрения И. Л. Волгина, который писал о Достоевском:

Нет оснований сомневаться и в его искренности, когда в своих показаниях он неодобрительно отзывается о перспективах «русского бунта». Он хотел бы искоренить «важные пороки» России — крепостничество, бюрократию, деспотизм [Волгин 2000: 246].

Однако Достоевский даже в молодости не принимал революционных методов борьбы, в этом расходился с представителями революционной демократии.

Переосмысление идей социализма

Приобщившись к французскому социализму, Достоевский утратил, как он считает, понимание того, как идеи утопического социализма разнятся с душой русского народа. Называя социализм «французским», автор полагает, что эти взгляды должны иметь национальную специфику. В основе социального строя, по Достоевскому, лежат определенные религиозные убеждения. Эта мысль позволяет рассуждать «о национальных разновидностях социализма, вытекающих из особенностей тех религиозных конфессий, которые преобладают в данных странах» [Горелов 2017: 58].

Католическую французскую и немецкую протестантскую национальные модели социализма Достоевский называет «европейским социализмом». Автор критично относится к социалистическим учениям Запада и не принимает революционные средства борьбы за власть. Западный социализм, по мысли Достоевского, является «политическим», или «практическим». Будучи порождением католичества, он обращается не к вопросам нравственным и духовным, а к перераспределению собственности, регулированию социально-экономических отношений, к вопросам о труде и быте, внушает «голодным и ничего за душой не имевшим работникам... глубокое омерзение к праву наследственной собственности» [Достоевский 2011, т. 1: 195]. Политический социализм рождается из нетерпения этого голодного работника, разжигаемого «теориями будущего блаженства». Суть такого социализма, по Достоевскому, — «в желании повсеместного грабежа всех собственников классами неимущих» [Достоевский 2011, т. 1: 196]. При этом условная формула западного социализма — не в построении нового общества, а в том, «чтобы настоящее провалилось» [Достоевский 2011, т. 1: 196].

Антитезой западному социализму у Достоевского является «русский социализм», который представляется писателю учением, проникнутым духом христианского гуманизма. «Русский социализм» Достоевского связан с достижением такого нравственного состояния, когда все смогут поступать по совести, а нравственность будет одинакова для отдельной личности и для государства. Задача русского народа представляется как раскрытие истинного Христова образа европейским народам. Так «русский социализм» в понимании Достоевского превращается в «религиозное, проникнутое духом христианского гуманизма учение» [Вититнев, Шмелева 2021: 54].

В отличие от Достоевского, который приходит к неприятию европейской версии социализма, но защищает концепцию «русского социализма», Солженицын обрушивается на коммунистический строй России с острой критикой. В период эмиграции он становится противником коммунистической власти и предвидит ее кризис. На тех, кто пытается построить в России социализм, по мнению Солженицына, лежит вина за «внутреннюю ложь и внешнюю экспансию, и оправдание войн и убийств, оправдание завтрашних войн» [Солженицын 1995–1997, т. 1: 218].

Ключевой для нашего исследования является статья Солженицына «Коммунизм: у всех на виду — и не понят». Работа строится на тезисе о том, что Запад допускает губительные для себя ошибки в отношении коммунизма, начиная с 1918 г. Позже, в годы Второй мировой войны, Запад ошибся, когда видел угрозу лишь в Гитлере и всеми силами помогал Сталину «оседлать национальную лошадь под коммунистическую власть» [Солженицын 1995–1997, т. 1: 330]. Весь период с 1945 до 1975 г. Солженицын считает еще одной мировой войной, которая без боя была проиграна коммунизму, захватившему десятки стран.

Сараскина подчеркивает, что Солженицын критиковал Запад за непонимание того, что коммунизм — не только русское явление: «...эту заразу считают русской, как будто коммунизм природен России и является ее сутью» [Сараскина 2009: 752]. Нельзя, по мнению Солженицына, «остро-инфекционной коммунистической заразе» ставить диагноз «Эта болезнь не заразна, это наследственная русская болезнь!» [Солженицын 1995–1997, т. 1: 332]. Солженицын обращается к истории развития коммунизма в таких странах, как Китай, Вьетнам, Куба, и показывает, что опасна сама идеология, а не Россия, которая ей поддалась.

Развивая тему опасности социалистического пути, публицист использует развернутые метафоры. Он называет коммунизм «заразой», «инфекцией в мировом организме», «раковой опухолью» [Солженицын 1995–1997, т. 1: 332]. Центральным в публицистике Солженицына становится вопрос о судьбе простого народа. Автор использует исторические аналогии и сопоставляет Ленина и Гитлера, заявляя, что при жизни первого невинного гражданского населения было уничтожено так же много, как и при войне со вторым. В статье «Иметь мужество видеть» Солженицын сравнивает нацизм и коммунизм и приходит к выводу о том, что у них были похожие цели по обращению народов СССР в рабство. Только нацизм это открыто декларировал, а коммунизм не афишировал свою истинную цель.

Как и Н. С. Тимашев в его концепции «Великого отступления» [Тимашев 2007], Солженицын отмечает, что коммунизм меняется, но, в отличие от Тимашева, Солженицын называет эти изменения «тактическими маневрами». Доказывая эту мысль, он вспоминает НЭП, обманное восстановление понятий Родины и Церкви при Сталине. Похожим обманным маневром публицист считает современную ему политику «разрядки».

Итак, Солженицын, переосмысливший взгляды молодости, приходит к отречению от социализма и обрушивается в своей публицистике на коммунизм с острой критикой. При этом противоречивый характер убеждений, свойственный Солженицыну с детства, позволяет ему парадоксальным образом сочетать веру в Бога и любовь к революции, христианское смирение и призыв к яростной борьбе с «коммунистической заразой». В публицистике Солженицын не анализирует национальные особенности социализма в разных странах. Он признает попытки построить социализм и коммунизм «мировой болезнью», которой заражена и Россия.

Взгляды Достоевского проходят более сложную трансформацию. От увлечения утопическим социализмом автор приходит к пониманию, что для России эти идеи неприменимы. Достоевский критикует взгляды революционных демократов, призывающих отказаться от религии. В душе писателя XIX в. не было такого мучительного раскола, как у Солженицына, поэтому Достоевский не принимает никакие методы революционной борьбы. В отличие от Солженицына, он заявляет, что социализм обладает национальной спецификой. Достоевский приходит к критике европейской версии «политического социализма», но защищает «русский социализм», основанный на принципах христианского гуманизма. С ним связана концепция «русской идеи».

Понимание «русской идеи». Задача народа

Общение с простым народом на каторге помогает Достоевскому глубже понять русскую душу. В «Дневнике писателя» он обращается к детским воспоминаниям о пахаре Марее, успокоившем мальчика, которому казалось, что за ним гонится волк [Достоевский 2011, т. 1: 257]. Автор осознает, что значительная часть русской интеллигенции не понимает такой чистоты и незлобивости души простого человека. Постепенно в сознании Достоевского начинает формироваться концепция почвенничества, декларировавшего «возвращение» интеллигенции к народу.

Видя отсталость и грубость простых людей, Достоевский отмечает при этом и их высокие душевные качества, устремленность к нравственному идеалу, про-

стодушие и честность. Достоевский считал, что народ сумел сохранить красоту человеческого образа, поэтому можно извинить «всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш» и суметь «отыскать в этой грязи бриллианты» [Достоевский 2011, т. 1: 249].

Именно такое понимание души русского человека помогает Достоевскому сформулировать «русскую идею», осознать, какой духовный путь предназначен нации. По определению Горелова, духовный путь нации — это «путь осуществления ее основной идеи» [Горелов 2017: 51], а сама национальная идея — определенный «нравственно-идеологический ориентир». Таким ориентиром становится отзывчивость русского человека, сохранение в народной душе истинного Христова образа.

По утверждению Вититнева и Шмелевой, народ России, в понимании Достоевского, может «сплотить вокруг себя другие народы, объединить их братскими узами, утверждая на земле миропорядок, соответствующий христовым заповедям» [Вититнев, Шмелева 2021: 53]. Другие исследователи указывают на близость славянофильства и почвенничества, осмыслявшего идею об исторической задаче русского народа по спасению человечества [Чуйков 2018].

Мы придерживаемся идеи Горелова, который выделяет два этапа «русской идеи» [Горелов 2017: 55] — православный и советский. Отметим, что первая модификация напрямую связана с христианством, имеющим целью всеобщее спасение, равенство людей, что соотносится со взглядами Достоевского. Духовная задача России названа автором «Дневника писателя» «православным делом». Он противопоставляет православие католичеству, которое «не задумавшись, продало Христа за земное владение» [Достоевский 2011, т. 1: 304]. В Европе, по мысли Достоевского, был провозглашен Христос новый, образ которого «замутился и отравлен безвозвратно» [Достоевский 2011, т. 1: 304]. Россия же смогла выступить в роли хранительницы истинного Христова образа.

Важнейшей для России, по мысли Достоевского, становится эпоха Петра I, когда был сделан первый шаг к приложению русского православия к «всеслужению». Реформы Петра расширяют ранее замкнутую лишь на себе православную идею. Так именно после этих реформ формируется предназначение русской нации: «братская любовь наша к другим народам... это потребность наша всеслужения человечеству...» [Достоевский 2011, т. 1: 413].

Достоевский считает необходимым единение всего славянства под покровительством России. Он доказывает важность взятия Константинополя для России — единственной настоящей покровительницы православия и народов, его исповедующих. Открыто звучащий со страниц «Дневника писателя» призыв ко взятию Константинополя — не требование захвата или насилия над другими народами, а призыв к восстановлению Христовой истины. Отношение же России к другим православным народам должно быть как к собственным детям: «...она — покровительница их и даже, может быть, предводительница, но не владычица; мать их, а не госпожа» [Достоевский 2011, т. 1: 416].

Итак, в публицистике Достоевского, направленной на поиск «русской идеи», есть вера в истинность христианской религии (православие), стремление принести эту идею всему миру (мессианство), убеждение, что именно это является задачей и предназначением русской нации. Достоевский как почвенник считает, что

русской интеллигенции под силу стать посредником между русским народом и европейской культурой. Все народы, по мысли Достоевского, со временем должны принять истину Христа, соединившись в единое, уже качественно новое общество. Такие взгляды Достоевского нельзя считать богословскими, идеи писателя правильнее признать социально-философскими. Православие превращается для него не в самоцель, а в социальную задачу, напрямую связанную с «русской идеей».

Вторую модификацию «русской идеи» Горелов связывает с атеизмом и возможностью построения «рая на земле», но уже без Бога [Горелов 2017: 60]. Основа «русской идеи» в любой ее модификации связана с особенностями национально-го характера: вера в возможность всеобщего счастья, убежденность, что именно Россия может принести это счастье всему миру (мессианизм), сделать это нужно в кратчайшие сроки (максимализм) и быть готовым к преодолению трудностей и самопожертвованию. Все это свойственно и социализму, появившемуся в России. Н. А. Бердяев, будучи противником советской власти, был выслан из страны в 1922 г., однако в своей книге «Русская идея» философ оценил коммунистический режим в России именно как продолжение «русской идеи» [Бердяев 2008].

Солженицын жил в XX в. с идеями коммунизма о мировой революции (мессианство), исключительной роли России в этом процессе и верой в светлое будущее человечества. Взгляды молодого Солженицына соответствуют такой модификации «русской идеи». Разочарование в социализме и острая критика режима, на наш взгляд, становятся началом истинного понимания задачи народа.

Многие размышления Солженицына близки к почвенническим идеям. Зародившееся в XIX в. почвенничество стало предметом анализа многих исследователей. Однако традиционно его рассматривали применительно к авторам XIX в., близким по духу к Достоевскому. Об этом — авторитетные работы В. А. Туниманова, А. Лазари [Туниманов 1980; Лазари 2004]. Современный исследователь К. А. Баршт рассматривает концепт «почва» в работах старших славянофилов и творчестве Достоевского. «Русскую идею» автор считает центральной для почвенничества Достоевского [Баршт 2022].

Достаточно дискуссионный характер имеет работа В. Н. Захарова, в которой автор по существу пересматривает историю почвенничества и предлагает многих писателей и публицистов XX в., сохранивших связь с землей, традиционными ценностями народной жизни, считать почвенниками. Среди них исследователь называет Д. С. Лихачева, В. Г. Распутина, В. П. Астафьева, В. М. Шукшина, А. И. Солженицына [Захаров 2012].

Признавая обоснованное Сараскиной ученичество Солженицына у Достоевского, мы также придерживаемся идеи В. Н. Захарова о допустимости рассмотрения почвенничества не только как явления XIX в. На наш взгляд, публицистика Солженицына о многих «почвеннических» вопросах представляет собой диалог с мыслями Достоевского [Кулько 2021a]. В настоящей статье мы не ставим цель осмыслить все почвеннические идеи, сближающие Достоевского и Солженицына. Мы анализируем мысли авторов о России, ее национальной идее и духовном пути. Именно эти вопросы являются ключевыми для почвенников XIX в. Солженицын как автор уже другого времени тоже осмысливает эти проблемы, но по-другому.

Критику со стороны Солженицына вызывает идея Достоевского о братстве народов, исповедующих христианство, и о нравственной необходимости войны

(захвате Константинополя как центра православной веры). Воротынцев, герой «Красного Колеса», называет «проклятым миражом» мечту интеллигентов России превратить Константинополь в центр славянского мира [Солженицын 2006–2017, т. 9: 18–19]. Вслед за ним сам Солженицын критикует предшественника за эти идеи:

Есть-таки правда, когда упрекают российские государственные и мыслящие верхи в мессианизме и в вере в русскую исключительность. И покоряющего этого влияния не избежал и Достоевский, при его столь несравненной проницательности: тут — и мечта о Константинополе, и «мир с Востока победит Запад», даже и до презрения к Европе, что давно уже стыдно читать [Солженицын 1995–1997, т. 1: 661].

Для Солженицына вопрос о судьбе народа тоже становится центральным в публицистике. В статье «Иметь мужество видеть» смысл XX в. Солженицын формулирует как расплату, которую предъявляет всем народам сама история за революционные увлечения и либеральные заблуждения. Автор пишет о русском народе, который не оправдал звание богоносца, данное ему Достоевским, и добровольно сочетался с коммунизмом. Солженицын считает, что русский народ можно назвать «главной массой рабов этого государства» [Солженицын 1995–1997, т. 1: 334].

Солженицын, в отличие от Достоевского, считает, что русский народ должен решать не общемировые, а собственные проблемы. Автор полагает, что народ устал от всемирных задач. В «Письме вождям Советского Союза» Солженицын указывает, что России, пережившей страшный XX век, нужно обратиться к собственным интересам, которые должны быть связаны с освоением еще не занятых земель:

Полвека мы занимались: мировой революцией; расширением нашего влияния на Восточную Европу; на другие материки... Но не предстоит нашему народу жить ни в Космосе, ни в Юго-Восточной Азии, ни в Латинской Америке, а Сибирь и Север — наша надежда и отстойник наш [Солженицын 1995–1997, т. 1: 164].

Большое значение в переустройстве России для Солженицына как ученика почвенника Достоевского имеет земля, которая «содержит в себе не только хозяйственное значение, но и нравственное» [Солженицын 1995–1997, т. 1: 553]. Большую опасность для народного характера Солженицын, как и Достоевский, видит в ослаблении тяги к земле, которая признается главным богатством страны: «...высшее богатство народов сейчас составляет земля. Земля как простор для расселения. Земля как объем биосферы. Земля как покров глубинных ресурсов. Земля как почва для плодородия» [Солженицын 1995–1997, т. 1: 163].

В своих рассуждениях Солженицын часто обращается к идеям Столыпина. По мнению писателя, в 1908 г. в Государственной думе он пророчески сказал: «Земля — это залог нашей силы в будущем, земля — это Россия» [Солженицын 1995–1997, т. 1: 163]. Именно поэтому Солженицын предлагает «уйти в свой дом», сосредоточиться на освоении Северо-Востока, отбросив чуждые мировые задачи. Неосвоенные земельные пространства, по мнению автора, могут стать ключом к спасению народа.

Если для Достоевского нравственное здоровье народа тесно связано с целями великой державы, то для Солженицына эти вещи несовместимы. Публицист предлагает идею «сбережения нации»: целомудренно уйти «в свой дом», решая внутренние политические, экономические и духовные проблемы, среди которых важнейшей является возрождение страны. Для Солженицына становится центральной идея сбережения русского народа в физическом, буквальном смысле. Спасти же нацию, развращенную социалистическими идеями, в плане духовном, по его мнению, может, как и у Достоевского, «православное дело». Однако оно связано не с несением этого православия всему миру, а раскаянием всей нации за преступления власти [Солженицын 1995–1997, т. 1: 49–86] и постепенным восстановлением утраченной веры.

Заключение

Оба автора в молодости воспринимали социализм в идеально-нравственном свете. Постепенно и Достоевский, и Солженицын начинают рассматривать социализм не только как идейно-политическое учение и общественный строй, при котором выдвигается идея братства, всеобщего равенства и справедливости, но и как опасное восстание человека против Бога. Оба в публицистике отмечают опасность революционного пути.

Достоевский приходит к идее о том, что социализм имеет национальную специфику. «Западный» социализм, направленный на защиту интересов пролетариата, называется автором «политическим» и осуждается за обращение лишь к социально-экономическим вопросам при игнорировании вопросов духовных. В сознании Достоевского постепенно рождается идея «русского социализма», который по контрасту с западным должен быть проникнут христианским гуманизмом.

В публицистике мыслителя XIX в. мы видим не отказ от социалистических идей, а критику европейской версии социализма и веру в то, что на русской «почве» может возникнуть нечто качественно новое, основанное на православии. Такое понимание «русского социализма» помогает Достоевскому сформулировать «русскую идею».

Солженицын обрушивается на социализм с острой критикой, отрекаясь от взглядов молодости. Для него коммунизм — «мировая зараза», которая не является именно русской болезнью. Он критикует не Россию, а коммунистический строй в ней и других государствах, поддавшихся этой идеологии. Национальный вопрос становится центральным в публицистике Солженицына. Пересмотрев взгляды молодости, автор тоже приходит к собственному пониманию задачи народа.

У Достоевского в поздней публицистике остаются мечты о глобальной, общемировой роли России. Автор верит в мессианские задачи страны и ее духовную миссию — раскрыть свет истинного православия миру. Увлечение идеями утопического социализма не проходит бесследно. Постепенно идеи Достоевского трансформируются, но не исчезает мысль о возможности братства всех людей. «Русской идеей» в поздней публицистике признается идея всеобщего единения.

Взгляды молодого Солженицына, увлеченного коммунистическими идеями, тоже содержат мысли о мессианстве (мировая революция), важной роли России, светлом будущем человечества. Однако от увлечения этими идеями Солженицын

приходит к отказу от них. Важнейшей для него является идея «сбережения народа», задача которого — решать не общемировые, а внутренние проблемы. При этом Солженицын долгие годы живет с «двуправдностью», появившейся в душе с детства. В его работах сочетаются религиозная вера и призыв к революционному возмездию, советы «уйти в свой дом», борясь со злом в собственной душе, и яростный призыв к борьбе с ненавистным режимом.

Таким образом, гипотеза исследования подтверждается: оба автора, пересматривая свои взгляды, приходят к собственному пониманию «русской идеи» и задачи народа. Каждый из них предлагает нации свой путь. На наш взгляд, такая разница в понимании задачи народа обусловлена социально-политическими трансформациями. Достоевский на волне пореформенного подъема в стране мог отстаивать необходимость войны и взятия Константинополя, считая, что этим шагом будет положено начало славянского братства. Солженицын, который видел русский народ в кровавых войнах, экономическом и духовном кризисе из-за преступлений коммунистической власти, не мог выдвигать в качестве ключевой идеи и задачи народа отстаивание сфер влияния в мире. Это подтверждает гипотезу о том, что он отходит от представлений молодости, а понимание «русской идеи» для него трансформируется. В поздней публицистике уже нет места для осмысления мессианских задач страны, за которые Солженицын осуждает своего предшественника.

Оба писателя предлагают для России и для ее народа разные пути. Один направлен на другие страны и связан с избранностью русского народа, его особой духовной миссией. Другой путь — на осознание самодостаточности русской цивилизации и отход от общемировых проблем. В наше время изучение идей двух великих публицистов помогает осознать, что определенный круг философских, социальных и политических вопросов по-прежнему остается актуальным. Представления о различных путях развития России позволяют современному обществу более верно определить национальную идею, которая могла бы сплотить нацию в сложной политической и экономической ситуации.

Источники

- Достоевский 2011 — Достоевский Ф. М. *Дневник писателя*. В 2 т. М.: Книжный клуб, 2011.
- Солженицын 1995–1997 — Солженицын А. И. *Публицистика*. В 3 т. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1995–1997.
- Солженицын 2006 — Солженицын А. И. *Архипелаг ГУЛАГ*. В 3 т. Т. 2. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
- Солженицын 2006–2017 — Солженицын А. И. *Собрание сочинений*. В 30 т. [Солженицына Н. (ред.-сост.).] М.: Время, 2006–2017.
- Тимашев 2007 — Тимашев Н. С. *Великое отступление*. Бронштейн В. (пер. с англ.). *Новый журнал*. 2007, (248).

Литература

- Баршт 2022 — Баршт К. А. О концепте почва в трудах старших славянофилов и творчестве Ф. М. Достоевского. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (1): 4–28.
- Бердяев 2008 — Бердяев Н. А. *Русская идея*. СПб.: Азбука-классика, 2008.
- Бушин 2009 — Бушин В. С. *Неизвестный Солженицын*. М.: Эксмо, 2009.

- Вититнев, Шмелева 2021 — Вититнев С. Ф., Шмелева А. В. Эволюция и идейные особенности социально-политических воззрений Ф. М. Достоевского. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2021, (3): 45–58.
- Волгин 2000 — Волгин И. Л. *Пропаший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 г.* М.: Либерея, 2000.
- Волкова и др. 2019 — Волкова Е. А., Лихорадова И. Н., Фролова Е. В. Достоевский и петрашевцы: споры о революции и социализме. *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2019, (238): 171–173.
- Гачева 2005 — Гачева А. Г. Царствие Божие на земле в понимании Ф. М. Достоевского. *Проблемы исторической поэтики*. 2005, (7): 313–323.
- Горелов 2017 — Горелов А. А. Ф. М. Достоевский: русская идея и русский социализм. *Знание. Понимание. Умение*. 2017, (1): 50–66.
- Гулыга 2006 — Гулыга А. В. *Творцы русской идеи*. М.: Молодая гвардия, 2006.
- Заваркина 2020 — Заваркина М. В. «Социализм и христианство»: проблемы атрибуции и публикации замысла Достоевского. *Неизвестный Достоевский*. 2020, (2): 69–97.
- Захаров 2005 — Захаров В. Н. О глубинных совпадениях Солженицына и Достоевского. В сб.: *Между двумя юбилеями: Писатели, критики и литературоведы о творчестве Солженицына*. М.: Русский путь, 2005. С. 409–413.
- Захаров 2012 — Захаров В. Н. Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема. В сб.: *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012, (7). С. 14–24.
- Кулько 2021а — Кулько К. А. «Почвеннические» вопросы о земле и народных началах в публицистике Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2021, 25 (2): 241–253.
- Кулько 2021б — Кулько К. А. Публицистика А. И. Солженицына в диалоге с идеями Ф. М. Достоевского о православии. *Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика*. 2021, (5): 162–183.
- Лазари 2004 — Лазари А. де. *В кругу Федора Достоевского. Почвенничество*. Лескинен М. В., Филатов Н. М. (пер. с польск.). М.: Наука, 2004.
- Нива 1992 — Нива Ж. *Солженицын*. М.: Художественная литература, 1992.
- Сараскина 2006 — Сараскина Л. И. *Достоевский в воззвучиях и притяжениях*. М.: Русский путь, 2006.
- Сараскина 2009 — Сараскина Л. И. *Солженицын*. М.: Молодая гвардия, 2009.
- Тихомиров 1996 — Тихомиров Б. Н. Наша вера в нашу русскую самобытность (к вопросу о «русской идее» в публицистике Достоевского). *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 12. СПб.: Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, 1996. С. 108–124.
- Туниманов 1980 — Туниманов В. А. *Творчество Достоевского, 1854–1862*. Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1980.
- Хренов 2018 — Хренов Н. А. Русская литература, русская философия и «русская идея»: некоторые суждения по поводу дискуссий о Солженицыне. *Вестник культурологии*. 2019, (1): 40–43.
- Ципко 2019 — Ципко А. С. Александр Солженицын о неразрывной связи русского патриотизма с антисоветизмом. Основные идеи «Архипелага ГУЛАГ». *Тетради по консерватизму*. 2019, (1): 221–244.
- Чуйков 2018 — Чуйков П. Л. Проблема «Россия и Запад» в историософской публицистике Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, редактора журнала «Время». *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2018, (30): 94–104.
- Шевцов 2019 — Шевцов К. В. Солженицын-идеолог: к постановке проблемы. *Вестник Адыгейского государственного университета*. 2019, 4 (247): 116–122.
- Шитакова 2019 — Шитакова Н. И. «Русская идея» в творческом наследии А. И. Солженицына и Г. И. Газданова. *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика*. 2019, (4): 70–74.

Статья поступила в редакцию 9 апреля 2022 г.
Статья рекомендована к печати 3 февраля 2023 г.

Ludmila P. Gromova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
l.gromova@spbu.ru

Kseniya A. Kulko

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
st035031@student.spbu.ru

Publicism of F. M. Dostoevsky and A. I. Solzhenitsyn: From socialism to the “Russian idea”

For citation: Gromova L. P., Kulko K. A. Publicism of F. M. Dostoevsky and A. I. Solzhenitsyn: From socialism to the “Russian idea”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2023, 20 (2): 217–234. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.202> (In Russian)

The purpose of the article is to describe the socio-political and philosophical views of Dostoevsky and Solzhenitsyn on socialism and the “Russian idea”. The empirical basis of the study is publications from Dostoevsky’s “Diary of the Writer”, as well as articles, interviews, speeches at press conferences by Solzhenitsyn. The study is divided into several parts: 1) analysis of the views of Dostoevsky and Solzhenitsyn’s youth; 2) socialism as the antithesis of Christianity; 3) transformation of socialist ideas; 4) understanding of the “Russian idea”. Dostoevsky’s “Diary of the Writer” presented not a rejection of socialist ideas, but a critique of the European version of socialism and an understanding of “Russian socialism”. This becomes the basis for the formulation of the “Russian idea”, associated for Dostoevsky with the conviction that the Russian nation must bring true Orthodoxy to other nations. The novelty of research is that it presents a comparative analysis of Dostoevsky’s and Solzhenitsyn’s ideas about socialism, messianism, the “Russian idea”, and the fate of Russian people. These ideas are reflected in the authors’ publicism related to the issues of Russian *pochvennichesvo*. Solzhenitsyn argues about the fate of the people and its task. However, the “Russian idea” becomes “the preservation of people” and the rejection of global objectives. At the same time, these calls and Christian ideals are paradoxically combined in the work of Solzhenitsyn with a love for the revolution and the demand to fight communism in the USSR.

Keywords: F. M. Dostoevsky, A. I. Solzhenitsyn, socialism, “Russian idea”, publicism.

References

- Баршт 2022 — Barsht K. A. On the interpretation of the *soil* concept in the works of the *senior Slavophiles* and in the socio-political program of F. M. Dostoevsky. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022, (1): 4–28. (In Russian)
- Бердяев 2008 — Berdiaev N. A. *The Russian Idea*. St Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2008. (In Russian)
- Бушин 2009 — Bushin V. S. *Unknown Solzhenitsyn*. Moscow: Eksmo Publ., 2009. (In Russian)
- Вититнев, Шмелева 2021 — Vititnev S. F., Shmeleva A. V. The evolution and ideological characteristics of the socio-political views of F. M. Dostoevsky. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 2021, (3): 45–58. (In Russian)
- Волгин 2000 — Volgin I. L. *The Missing Conspiracy: Dostoevsky and the Political Process of 1849*. Moscow: Liberiia Publ., 2000. (In Russian)
- Волкова и др. 2019 — Volkova E. A., Lihoradova I. N., Frolova E. V. Dostoevsky and the petrashevtsy: Disputes about revolution and socialism. *Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2019, (238): 171–173. (In Russian)

- Гачева 2005 — Gacheva A. G. The Kingdom of God on Earth as understood by F. M. Dostoevsky. *Problemy istoricheskoi poetiki*. 2005, (7): 313–323. (In Russian)
- Горелов 2017 — Gorelov A. A. Dostoyevsky: The Russian idea and Russian socialism. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2017, (1): 50–66. (In Russian)
- Гулыга 2006 — Gulyga A. V. *Creators of the Russian Idea*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2006. (In Russian)
- Заваркина 2020 — Zavarkina M. V. “Socialism and Christianity”: Problems of attribution and publication of Dostoevsky’s idea. *Neizvestnyi Dostoevskii*. 2020, (2): 69–97. (In Russian)
- Захаров 2005 — Zaharov V. N. The deep coincidence of Solzhenitsyn and Dostoevsky. In: *Mezhdru dvumia iubileiami. Pisateli, kritiki i literaturovedy o tvorchestve Solzhenitsyna*. Moscow: Russkii put’ Publ., 2005. P. 409–413. (In Russian)
- Захаров 2012 — Zaharov V. N. Pochvennichestvo in Russian literature: metaphor as ideologeme. In: *Evangel’skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov: citata, reminiscenciia, motiv, suzhet, zhanr*. Petrozavodsk: Izdatel’stvo PetrGU Publ., 2012. P. 14–24. (In Russian)
- Кулько 2021a — Kul’ko K. A. Questions of “pochvennichestvo”: Soil and nation in publicism of F. M. Dostoevsky and A. I. Solzhenitsyn. *Izvestiia Iuzhnogo federal’nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2021, (2): 241–253. (In Russian)
- Кулько 2021b — Kul’ko K. A. Publicism of A. I. Solzhenitsyn in the dialogue with ideas of Dostoevsky about Orthodoxy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 2021, (5): 162–183. (In Russian)
- Лазари 2004 — Lazari Andzhei de. *Next to Fyodor Dostoevsky. Pochvennichestvo*. Leskinen M. V., Filatov N. M. (transl. from Polish). Moscow: Nauka Publ., 2004. (In Russian)
- Нива 1992 — Niva Zh. *Solzhenitsyn*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1992. (In Russian)
- Сараскина 2006 — Saraskina L. I. *Dostoevsky in consonance and attraction*. Moscow: Russkii put’ Publ., 2006. (In Russian)
- Сараскина 2009 — Saraskina L. I. *Solzhenitsyn*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 2009. (In Russian)
- Тихомиров 1996 — Tikhomirov B. N. Our Faith in Our Russian Identity (To the Question of the Russian Idea in Dostoyevsky’s Publicism). In: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia*. Vol. 12. St Petersburg: Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom) RAN Publ., 1996. P. 108–124. (In Russian)
- Туниманов 1980 — Tunimanov V. A. *Dostoevsky’s work, 1854–1862*. Leningrad: Nauka: Leningradskoe ot-delenie Publ., 1980. (In Russian)
- Хренов 2018 — Hrenov N. A. Russian literature, Russian philosophy, and the “Russian idea”: Some judgments on the Solzhenitsyn discussion. *Vestnik kul’turologii*. 2019, (1): C. 40–43. (In Russian)
- Ципко 2019 — Cipko A. S. Alexander Solzhenitsyn on the inextricable connection Russian patriotism and anti-Sovietism. Main Ideas of the “Arhipelag GULAG”. *Tetradi po konservatizmu*. 2019, (1): 221–244. (In Russian)
- Чуйков 2018 — Chuikov P. L. The problem of “Russia and the West” in the historiosophic journalism of N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky, editor of “Vremya”. *Aktual’nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*. 2018, (30): 94–104. (In Russian)
- Шевцов 2019 — Shevtsov K. V. Solzhenitsyn the ideologist: A problem statement. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019, 4 (247): 116–122. (In Russian)
- Шитакова 2019 — Shitakova N. I. “The Russian Idea” in the creative legacy of A. Solzhenitsyn and G. I. Gazdanov. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019, (4): 70–74. (In Russian)

Received: April 9, 2022

Accepted: February 3, 2023